На правах рукописи

Шибанов Алексей Александрович

НАРЕЧИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2011

Работа выполнена на кафедре современного удмуртского языка и методики его преподавания
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор **Тараканов Иван Васильевич**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук **Цыпанов Евгений Александрович**

кандидат филологических наук **Каракулов Борис Иванович**

Ведущая организация: АОУ ДПО «**Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования УР**»

Защита состоится «5» октября 2011 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на официальном сайте ФГБОУ ВПО «УдГУ» http://v4.udsu.ru/science/avtoref_2011_06

Автореферат разослан «1» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук Н. В. Кондратьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Положение наречия в грамматической и словообразовательной системе разных языков – индоевропейских, тюркских, финно-угорских и др. – связано, как указывают специальные исследования лингвистов, с длительным формированием этого класса слов в качестве самостоятельной части речи. Этот процесс в общем виде заключался в переносе адъективных характеристик ситуации, выраженных в имени или при имени, на глагол. По большой части это не сопровождалось выработкой собственных, т. е. наречных словообразовательных средств. Поэтому наречия в удмуртском, как и в других финно-угорских языках, за исключением ряда производных наречий, имеющих специфические аффиксы, весьма слабо дифференцированы от других частей речи. Морфологически они трудно отличимы или совсем не отличимы, с одной стороны – от прилагательных, с другой – от локативных форм имен, а также от служебных частей речи, с третьей – от деепричастных форм глагола.

Категория наречия во многих языках является наиболее дискуссионной частью речи. Несмотря на то, что некоторые вопросы удмуртского наречия рассматриваются в школьных и вузовских учебниках, научных статьях, наречие в удмуртском языке до настоящего времени системно не описано. Отсюда **актуальность** темы диссертационной работы, с одной стороны, в монографическом исследовании наречий в удмуртском языке, с другой – в создании единой концепции по данной грамматической категории, которая опирается на общую теорию частей речи, и на понимании, которое учитывает семантические, лексические, морфологические и синтаксические особенности удмуртского наречия.

Исследование названных вопросов является в настоящее время актуальным для составления нормативной грамматики удмуртского языка. Таким образом, выбор данной темы и ее актуальность обусловлены недостаточной изученностью этой сложной части речи в удмуртской морфологии.

Объектом исследования являются наречия удмуртского языка, представленные как в словарях, грамматиках, так и в художественных, публицистических текстах.

Предметом исследования являются лексико-грамматические особенности наречий удмуртского языка.

Целью исследования является анализ морфологических, семантических и синтаксических средств выражения категории наречия в удмуртском языке.

В работе ставятся следующие **задачи:**

– проследить историю изучения наречий в удмуртском языке с первых грамматик, вышедших в XVIII в., до настоящих дней;

– дать анализ лексико-грамматической природы наречий удмуртского языка;

– проанализировать словообразовательные способы наречий;

– дать полное описание систем категорий степеней сравнения и степеней качества наречий удмуртского языка;

– определить синтаксические функции наречий удмуртского языка.

Теоретической и методологической базой послужили труды отечественных русистов, тюркологов и финно-угроведов: В. В. Виноградова, А. А. Шахматова, И. А. Щербы, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. К. Дмитриева, С. А. Гочияевой, Б. А. Серебренникова, К. Е. Майтинской, М. Г. Трощевой, Г. В. Федюневой, Н. А. Колеговой, А. Н. Гвоздева, В. М. Вахрушева и др.

Методы исследования. Изучение наречия проводилось на основе синхронного анализа собранного материала, при этом применялись структурно-семантический, сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический и описательный методы.

Источники исследования. Основным материалом для исследования послужили оригинальные тексты публицистической и художественной литературы на удмуртском языке (собрано свыше 2000 примеров). Также привлекались диалектные материалы анализируемого языка. Все удмуртские примеры даны с переводом на русский язык.

К работе привлекаются материалы по родственным финно-угорским языкам, а также проводятся типологические параллели по неродственным**.**

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые:

1) прослеживается история изучения наречий в удмуртском языкознании;

2) представлена теоретическая основа выделения наречия как части речи в удмуртском языке;

3) подробно представлена лексико-семантическая классификация наречий;

4) выявлены все способы словообразовательных структур наречий;

5) охарактеризована категория состояния в удмуртском языке;

6) детально рассмотрены категории степеней сравнения и степеней качества наречий;

7) проанализированы основные синтаксические функции наречий.

Теоретическая значимость. В диссертации подробно рассматриваются морфологические, лексико-семантические, словообразовательные и синтаксические особенности наречия, что имеет общетеоретическое значение для удмуртского языкознания и финно-угроведения в целом.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования имеют прикладное значение для преподавания удмуртского языка; они могут быть использованы при составлении учебных пособий и грамматик для вузов, а также при написании академической грамматики удмуртского языка. Полученные теоретические выводы диссертации могут быть использованы при типологическом исследовании финно-угорских и других языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1) как и в других финно-угорских языках, удмуртское наречие выделяется как самостоятельная часть речи, которая представляет собой разряд слов, четко различаемых по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам;

2) в рассматриваемом языке существуют два основных лексико-семантических типа наречий, резко отличающихся друг от друга по значению: обстоятельственные и определительные;

3) спецификой удмуртского наречия является сформированность собственно удмуртских средств морфологической деривации с помощью суффиксов *-быт*, *-ой* (*-ёй*), *-скын* (*-кын*), *-бытскын*, *-ойскын* (*-ёйскын*), *-ак* (*-як*), *-эн* (*-ен*) и префиксов *коть-*, *оло-*, *но-*;

4) в удмуртском языке продолжает продуцировать образование наречий синтаксическими способами, а именно: а) путем повторения

или удвоения основ; б) через основовслияние; в) переход в наречные выражения цельных сочетаний слов;

5) продуктивным способом образования наречий продолжает оставаться адвербиализация слов и форм слов других частей речи.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования апробированы в виде отдельных докладов на научно-практических совещаниях различного уровня, в том числе международных: X Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 2004); XI Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Пермь, 2006); XXIII Международной финно-угорской студенческой конференции IFUSCO (Саранск, 2007); Международной научно-практической конференции «Кузебай Герд и современность» (Ижевск, 2008); Международной научно-практической конференции «Россия и Удмуртия: история и современность», посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (Ижевск, 2008); XII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 2008); XIII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 2008); Международной конференции «III Флоровские чтения» (Глазов, 2009); III Международной конференции по полевой лингвистике (Москва, 2009); Международной научной конференции «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия», посвященной 65-летию М. Г. Атаманова. (Ижевск, 2010); всероссийских: III Всероссийской научной конференции финно-угроведов «История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов» (Сыктывкар, 2004); I Всероссийской молодежной научной конференции «Молодежь и наука на Севере» (Сыктывкар, 2008); Всероссийской научной конференции с международным участием «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)» (Ижевск, 2009); межрегиональных: I Межрегиональной конференции и VII Международной школе молодого фольклориста (Ижевск, 2005). По теме диссертации опубликовано 12 научных работ, в том числе одна статья – в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Основная цель исследования и вытекающие из нее конкретные задачи обусловили **структуру данной работы**, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и

приложений. В качестве приложений включены списки слов, отнесенных к наречиям, из книг “Сочиненія принадлежащія къ грамматикm вотскаго языка” (1775), “Краткой Вотской Словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 года” (Кротовъ 1785) и “Краткой отяцкія грамматики опытъ” (Могилинъ 1786). Общий объем исследования составляет 236 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, формулируются цели и задачи исследования, раскрывается актуальность и научная новизна, практическая ценность работы, рассматриваются вопросы теоретических основ выделения наречий как самостоятельной части речи в русском и удмуртском языкознании, описана история изучения наречий в удмуртском языке.

В **первой** главе рассматриваются лексико-семантические разряды наречий. По своему значению все наречия делятся на 1) обстоятельственные, выражающие временные, пространственные, причинно-целевые отношения и 2) определительные, обозначающие качество признака или действия, а также меру и степень действия, признака и предмета.

Обстоятельственные наречия обозначают признак, внешний по отношению к его носителю. По семантическим признакам они распределяются на следующие группы:

1) **наречия времени**, обозначающие время, в которое совершается действие и отвечающие на вопрос *ку*? ‘когда?’: *али* ‘сейчас’, *толбыт* ‘целую зиму’, *толалтэозь* ‘до зимы’, *туннэысен* ‘с сегодняшнего дня’, *уйин* ‘ночью’, *толон* ‘вчера’, *куке* ‘когда-то’, *кемалась* ‘давно’ и др.;

2) **наречия места**, обозначающие место или направление действия, отвечающие на вопросы *кытын*? ‘где?’, *кытчы*? ‘куда?’, *кытысен*? ‘откуда?’: *кыдёкын* ‘далеко’, *татын* ‘здесь’, *педло* ‘на улицу’, *улласянь* ‘снизу’, *вылэ* ‘наверх’, *татысен* ‘с этого места, отсюда’ и др.

Наречия места в предложении могут указывать непосредственно:

а) на место протекания действия. Они отвечают на вопрос *кытын*? ‘где?’, например: *отын* ‘там’, *матын* ‘близко’, *татын* ‘здесь’ и др.;

б) на направление действия или процесса. Они отвечают на вопросы *кытчы*? ‘куда?’, *кудлань* ‘в какую сторону’, например: *кыдёке* ‘далеко’, *отчы* ‘туда’, *татчы* ‘сюда’, *уллань* ‘вниз’, *выллань* ‘вверх’ и др.;

в) на место, откуда исходит действие, или место, которое является начальным пунктом действия. Они отвечают на вопросы *кытысь*? ‘откуда?’, *кытысен*? ‘откуда? с какого места?’, *кудласянь*? ‘с какой стороны?’, например: *пушласянь* ‘изнутри’, *отысен* ‘оттуда, начиная оттуда’, *кыдёкысен* ‘издалека’ и др.;

г) на место, по которому происходит движение. Они отвечают на вопрос *кытћ*? ‘где? по какому месту?’, например: *татћ* ‘здесь, по этому месту’, *палэнэтћ* ‘стороной’, *отћ* ‘там, по тому месту’ и др.;

д) пространственный предел действия (движения), его конечную точку. Они отвечают на вопрос *кытчыозь*? ‘докуда? до какого места?’, например: *отчыозь* ‘до того места, дотуда’, *татчыозь* ‘до этого места’ и др.;

3) **наречия причины и цели** (**причинно-целевые**), обозначающие причину и цель действия и отвечающие на вопросы *малы*? ‘почему?’, *ма муген*? ‘с какой целью? по какой причине?’, например: *юнме*, *токма* ‘зря, напрасно’, *юри* ‘нарочно’, *огшоры* ‘просто так’, *нимысьтыз* ‘специально’, *малы* ‘почему’, *малы ке* ‘почему-то’. В виду того, что наречия причины и цели в удмуртском языке отвечают на одни и те же вопросы, принято рассматривать их вместе.

Определительные наречия выражают качество действия или состояния, различные их свойства или признак признака с качественной стороны. Они уточняют подчиняющие слова, внося в их значения новые добавочные признаки, или же выражают качественную характеристику различных оттенков действия.

К определительным наречиям в удмуртском языке относятся:

1) **наречия образа или способа действия**: *озьы* ‘так’, *шуак* ‘вдруг’, *мылысь-кыдысь* ‘усердно, энергично’, *чаляк* ‘быстро’ и др.;

2) **наречия степени**: *ортчыт* ‘слишком’, *укыр* ‘очень’, *сокем* ‘настолько, так’, *туж* ‘очень’ и др. Степень проявления действия также могут выражать некоторые сочетания знаменательных слов с

частицей **но:** *пичи но* ‘нисколько, ничуть’, *чырым но* ‘нисколько’, *одћг но* ‘нисколько, ничуть’ и др.

На наш взгляд, обозначенные И. В. Тараканoвым лексемы *тём, шыр, тэк*, как удмуртские препозитивы, появившиеся в удмуртском языке под влиянием тюркских языков и служащие для усиления значения качества, следовало бы отнести к наречиям степени.

3) **наречия меры и количества:** *далай* ‘порядочно, давненько’, *чарак* ‘порядочно’, *огпол* ‘однажды’, *кыктой* ‘в течение двух дней’ и др.

Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова.

Во всех языках мира имеются слова, образно воспроизводящие различные явления действительности. В лингвистической литературе их называют по-разному: подражательные (или звукоподражательные), изобразительные, ономатопоэтические, образные слова, мимемы, имитативы и др. Специфика их заключается в том, что они служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей реальной действительности, или для передачи видимых или ощущаемых явлений с помощью звуков и звуковых комплексов.

Данная категория слов в “Грамматике современного удмуртского языка” 1962 года издания отнесена к наречиям.

В разряд наречий изобразительные слова включены также в коми, мордовских языках и других. Напротив, в башкирском, марийском языках подражательные слова включены в состав «Служебных и экспрессивно-эмоциональных частей речи» и описаны отдельно. Авторами грамматики башкирского языка отмечено, что как выразительные средства языка подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Их эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов, в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, эти подражания не доходят до уровня

полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи.

По причине того, что в удмуртском языке до сих пор не было предпринято специальных попыток отделить изобразительные и звукоподражательные слова от наречий, мы также рассмотрим данную категорию слов в числе наречий, но в отличие от предшествующих исследователей, объединим в одну группу и наречно-изобразительные, и звукоподражательные слова.

Считаем возможным выделить два основных разряда, на которые делятся рассматриваемые нами слова:

1. Звукоподражательные слова: ***бульыр-бульыр*** *ошмес потэ* ‘родник бьет с бурчанием’, ***вуӵ-вуӵ*** *бӧ́рдӟз* ‘плакал всхлипывая’, ***ток-ток*** *сюлэм йыгаське* ‘тук-тук! бьется сердце’, ***гудыр-гудыр*** *кариз* ‘прогремел’, ***домбыр-домбыр*** *гитараен шудэ* ‘бренчит на гитаре’, ***куӵык-вуӵык*** *бӧ́рдэ* ‘плачет всхлипывая’, ***чикыр-чикыр*** *пинь ӈукыртэ* ‘зубы скрежещут’ и др. Звукоподражательные слова являются подражаниями звуковым явлениям в природе. Они обозначают понятия о звучании. При передаче результатов слуховых впечатлений звукоподражательные слова включают элемент имитации в пределах артикуляционных возможностей человека, в силу чего значение их достаточно конкретно. Они часто употребляются самостоятельно.

2. Наречно-изобразительные слова: ***бугыль-бугыль*** *пинал луэм ни* ‘ребенок уже стал пухлым’, ***бугырак*** *нянь лӧ́птэмын* ‘тесто очень пышное’, ***быз-быз*** *сиськи* ‘плотно поел’, ***былык-былык*** *синмыз педлань потэмын* ‘глаза вылезли наружу’, ***домбыль*** *адями* ‘толстый человек’, ***йыгыр-йыгыр*** *мугор луэм* ‘тело покрылось гусиной кожей’, ***йырин-петрин*** *васькиз* ‘скатился кубарем’ и др. Наречно-изобразительные слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния. Строго говоря, в них отсутствует элемент подражания. Семантически наречно-изобразительные слова передают целый комплекс представлений, поэтому значение их довольно абстрактно. Они очень редко употребляются самостоятельно, часто сопровождаясь словами, уточняющими их значение.

В качестве отдельной группы выделена **категория состояния**, которая, как лингвистический феномен, существует и в удмуртском, и в русском, и в других языках и выражает различные состояния субъекта или предмета. Данное грамматическое явление изучалось и анализировалось многими учеными-лингвистами, но единой трактовки статуса рассматриваемой категории слов нет до сих пор, в том числе

нет и единого термина для их обозначения. Основными семантическими и синтаксическими признаками слов этой категории служит то, что они выступают в роли сказуемого в безличных предложениях и служат для выражения состояний (а не процессов); при этом, в отличие от глагола, они не располагают формами словоизменения.

Наречия, употребляясь в функции категории состояния, могут обозначать:

а) состояние окружающей среды: *чалмыт* ‘тихо’, *шуныт* ‘тепло’, *шыпыт* ‘тихо’, *югыт* ‘светло’ и др.;

б) состояние человека и живых существ: *серем* ‘смешно’, *возьыт* ‘стыдно’, *кышкыт* ‘страшно’, *мӄзмыт* ‘скучно’, *шуныт* ‘тепло’ и др.

Во **второй** главе рассматривается морфологическая структура наречий, различные способы и средства их словообразования.

В современном удмуртском языке словообразование наречий осуществляется морфологическим, синтаксическим и морфолого-синтаксическим способами. Лексический наречный фонд удмуртского литературного языка пополняется также за счет заимствований.

Морфологический способ образования наречий. Аффиксация. Целый ряд аффиксов, присоединяясь к словам-основам, относящимся к различным частям речи, коренным образом меняя прежний смысл и значение этих слов, переносят их в разряд наречий, то есть словообразовательные форманты не только создают новые слова, но и квалифицируют, распределяют их по определенным грамматическим классам.

Из основных аффиксов образования наречий удмуртского языка в лингвистической литературе отмечены суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын* (*-кын*), *-бытскын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*), *-эн* (*-ен*) и префиксы *коть-*, *оло-*, *ог-*, *но-*.

-ак*/*-як. С данным суффиксом образуются наречия образа или способа действия от прилагательных, наречий, наречно-изобразительных слов, морфологически недифференцированных слов, числительных, например: *дэменак* ‘сообща, коллективно, совместно, вместе’ < *дэмен* ‘сообща, вместе’, *ӟогак* ‘быстро, скоро, срочно’ < *ӟог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, срочный’, *салкымак* ‘чуть свежо (прохладно)’ < *салкым* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий; прохладно, свежо’, *жабыляк-жабыляк* ‘звукоподражание шуму прибоя’ < *жабыль-жабыль* ‘тж.’, *жангырак* ‘звукоподражание однократному внезапному (отрывистому) звону, например колокола’ < *жангыр* ‘звукоподражание протяжному звону и др.

-быт. С помощью данного суффикса образуются наречия времени от имен существительных и от морфологически недифференцированных имен, например: *арбыт* ‘весь год’ < *ар* ‘год; годовой’, *уйбыт* ‘всю ночь’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *љытбыт* ‘весь вечер’ < *љыт* ‘вечер; вечерний; вечером’, *толэзьбыт* ‘целый месяц’ < *толэзь* ‘месяц; месячный’ и др.

-скын. С помощью данного аффикса образуются наречия времени от существительных и недифференцированных слов, например: *часкын* ‘в течение часа’ < *час* ‘час’, *уйскын* ‘за ночь’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *сћзьылскын* ‘за осень’ < *сћзьыл* ‘осень; осенний; осенью’, *гужемскын* ‘за лето’ < *гужем* ‘лето; летний; летом’, *арскын* ‘за год’ < *ар* ‘год; годовалый’, *арняскын* ‘за неделю’ < *арня* ‘неделя; недельный’ и др.

-бытскын. Этот суффикс образует наречия времени от существительных и недифференцированных слов: *уйбытскын* ‘всю ночь, за ночь, в течение всей ночи’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *толбытскын* ‘всю зиму, в течение зимы; за зиму’ < *тол* ‘зима; зимний’; *арбытскын* ‘за год, в один год, в течение года’ < *ар* ‘год; годовалый’, *тулысбытскын* ‘за всю весну, в течение всей весны’ < *тулыс* ‘весна; весенний; весной’ и др.

-ой (***-ёй***). С данным суффиксом образуются количественно-временные наречия от числительных, например: *кызёй* ‘за двадцать дней’ < *кызь* ‘двадцать’, *ньылёй* ‘за четеры дня’ < *ньыль* ‘четыре’, *куинёй-ньылёй* ‘за три-четыре дня’ < *куинь-ньыль* ‘три-четыре’, *куатёй* ‘за шесть дней’ < *куать* ‘шесть’, *витёй* ‘за пять дней’ < *вить* ‘пять’, *кыктой* ‘за два дня’ < *кык* ‘два’, *сизьымой* ‘за семь дней’ < *сизьым* ‘семь’ и др.

***-ойскын* (*-ёйскын*).** С помощью данного суффикса образуются наречия времени от имен числительных, например: *кызёйскын* ‘в течение двадцати дней’ < *кызь* ‘двадцать’, *ньылёйскын* ‘в течение четырех дней’ < *ньыль* ‘четыре’, *куинёйскын* ‘в течение трех дней’ < *куинь* ‘три’, *куатёйскын* ‘в течение шести дней’ < *куать* ‘шесть’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней’ < *вить* ‘пять’ и др.

-эн (***-ен***), ***-ын.*** С данными суффиксами образуются качественные и некоторые временные наречия от недифференцированных имен и числительных, например: *одћген* ‘по одному, по-одиночке’ < *одћг* ‘один’, *љоген* ‘вскоре, скоро; быстро’ < *љог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, скорый, срочный’, *шуген* ‘с трудом’ < *шуг* ‘трудно, тяжело;

трудный, тяжелый', *капчиен* 'легко, облегченно' < *капчи* 'легкий, нетрудный; легко, нетрудно' и др.

коть-: *котьку* 'постоянно, в любое время, всегда', *котькудлань* 'куда ни…, в любом направлении; во все стороны; в любую сторону', *котькызьы* 'как угодно; по-всякому; так и этак', *котькытӟ* 'везде; везде и всюду' и др.

оло-: *олокытын* 'где-то', *олокытчы* 'куда-то', *олокытысь* 'откуда-то', *олокытӟ* 'где-то (где-то, неизвестно где)', *олокызьы* 'как-то, каким-то образом, неизвестно как' и др.

но-: *ноку* 'никогда', *нокызьы* 'никак', *нокытӟ* 'нигде, ни по какому месту', *нокытчы* 'некуда; никуда', *нокытын* 'негде; нигде', *нокытысь* 'неоткуда; нигде' и др.

Синтаксический способ образования наречий.

Образование наречий путем слияния или сочетания различных основ – знаменательных и незнаменательных единиц языка – составляет синтаксический способ образования наречий. Этим способом образуются все сложные наречия в удмуртском языке.

1. Образование наречий путем повторения или удвоения основ.

Основным видом словосложения в удмуртском языке выступает редупликация. Сложные наречия, образованные названным способом, представляют собой парные сочетания имен и наречий, лексически используемых для определения качества действия или состояния. Такие сочетания состоят из основ синонимичных или антонимичных. Составными компонентами таких сочетаний могут быть основы имен существительных, числительных, местоимений, прилагательных и самих наречий. При парном употреблении оба компонента такого сочетания теряют свое первоначальное значение той части речи, к которой они относятся, и приобретают отвлеченное значение обстоятельственного слова – выразителя качественной характеристики действия и переходят в категорию наречия.

Среди данных образований выделяются следующие группы:

I. **Наречия-повторы, образованные путем удвоения синонимичных основ**. Это могут быть:

а) сложные наречия, образованные повтором одной и той же формы простых наречий (в том числе недифференцированных слов в значениях наречий и изобразительных слов), например: *кытӟ-кытӟ* 'кое-где, местами; иногда', *вылэтӟ-вылэтӟ* 'высоко', *мырдэм-мырдэм* 'еле-еле', *ӟьог-ӟьог* 'быстро', *кыдёке-кыдёке* 'далеко', *матэ-матэ*

‘близко’, *чал-чал* ‘тихо, безмолвно’, *џем-џем* ‘часто’, *чиль-чиль* ‘ярко-ярко’, *куажыр-куажыр* ‘с хрустом’, *гудыр-гудыр* ‘с грохотом, грохоча’, *бульыр-бульыр* ‘булькая’ и др.;

б) сложные наречия, образованные путем повтора существительных и числительных в форме творительного падежа, например: *кесэген-кесэген* ‘отрезками, кусками’, *толэзен-толэзен* ‘месяцами’, *кырымен-кырымен* ‘по горсточке, горстями’, *чурен-чурен* ‘в ряд, рядами’, *парен-парен* ‘парами’, *гуџыкен-гуџыкен* ‘глотками’, *куинен-куинен* ‘по трое’, *одћген-одћген* ‘по одному’, *сюэн-сюэн* ‘сотнями, по сотне’ и др.;

в) сложные наречия, образованные от простых наречий, второй компонент которых фонетически видоизменен и служит для усиления наречного значения: *кырыж-мерыж* ‘криво-косо’, *ури-бери* ‘поспешно, спешно, очень быстро’, *чукин-бекин* ‘вразвалку’, *кымин-гопин* ‘вразвалку’ и др. Как правило, данные слова зачастую используются лишь в разговорной речи или же являются диалектными, по своей структуре они более близки к наречно-изобразительным словам.

II. **Наречия-повторы, образованные от основ**:

а) с антонимичным значением, например: *солань-талань* ‘туда-сюда’, *отын-татын* ‘там и сям, кое-где’, *отысь-татысь* ‘оттуда-отсюда’, *куке-соку* ‘когда-то тогда’, *берлань-азьлань* ‘взад-вперед’, *вистэм-вожтэм* ‘беспрерывно’, *туннэ-џуказе* ‘на днях, сегодня-завтра’, *мыдлань-азьлань* ‘взад-вперед’, *отчы-татчы* ‘туда-сюда’, *ултћ-вылтћ* ‘по верху-по низу, со всех сторон’ и др.;

б) с антонимичным значением, оба компонента которых выступают в творительном падеже, например: *кузен-вакчиен* ‘неровно, неодинаково (по длине)’, *уен-нуналэн* ‘ночью и днем’, *љытэн-џукен* ‘по утрам и вечерам’, *кужен-вамен* ‘прямиком, напрямик’, *толэн-гужемен* ‘зимой и летом’, *пичиен-бадњымен* ‘от мала до велика’ и др.

III. **Сложные наречия, образованные посредством сочетания отдельных существительных в форме исходного падежа**, например: *лулысь-сюлмысь* ‘усердно, от всего сердца’, *гижысь-пиньысь* ‘энергично, настойчиво’, *мылысь-кыдысь* ‘охотно, с желанием’, *нырысь-валысь* ‘первоначально’, *кытысь-марысь* ‘откуда’ и др.

Синтаксический способ образования наречий путем парного употребления корней и основ является одним из основных и продуктивных средств пополнения состава наречий в большинстве языков, в том числе и удмуртском. В каждом отдельном языке приемы

такого словообразования своеобразны, и формы парных наречий специфичны для каждого языка. Сходство между отдельными финно-угорскими языками в этом плане заключается в общности способа синтаксического оформления слов, переходящих в категорию наречий.

2. Образование наречий через основослияния.

Этот способ заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два компонента, представляющие собой единицы разных частей речи, органически сливаясь, образуют новое слово с единым наречным значением. Этим способом возникли наречия следующих типов:

1) наречия, образованные посредством сочетания указательных местоимений *со* ‘то’ и *та* ‘этот, эта, это’ с послелогом *бере* ‘после; по; за, вслед за’, например: *собере* ‘затем, потом, после, впоследствии’, *табере* ‘теперь, сейчас’;

2) наречия, образованные посредством сочетания числительного ***ог*** и местоимения ***куд*** (усеченных форм от числительного *одӈг* ‘один’ и местоимения *кудӈз* ‘который, которая, которое’) с отдельными существительными и послелогами, например: *огазе* ‘в одно место, воедино’ < *ог* + послелог *азе* ‘в, на, перед’, *огвадес* ‘иногда, временами’ < *ог* + *вадес* ‘время, пора, момент, период’, *огвакыт* ‘иногда, временами’ < *ог* + *вакыт* ‘время, пора, момент, период’, *огвалысь* ‘заодно; оптом, сразу’ < *ог* + послелог *валысь* ‘с’, *оггужем* ‘за лето; однажды летом’ < *ог* + *гужем* ‘лето; летний; летом’, *огдыр* ‘одновременно, в одно время’ < *ог* + *дыр* ‘время’, *куддыр* ‘иногда, порой, временами’ < *куд* + *дыр* ‘время’, *кудпалан* ‘где, в какой стороне, в каком направлении’ < *куд* + послелог *палан* ‘около, близ, на’, *кудмында* ‘сколько’ < *куд* + послелог *мында* ‘около, примерно, приблизительно’, *кудпалась* ‘откуда, с какой стороны’ < *куд* + послелог *палась* ‘с, со стороны’ и др.;

3) наречия, образованные посредством сочетания пространственных и временных имен *выл* ‘поверхность’, *ул* ‘низ’, *азь* ‘перед, фасад’, *бер* ‘зад’, *сьӄр* ‘место за пределами данного предмета (города, деревни и т. д.)’, местоименной основы *куд* ‘который’ и отдельных числительных, недифференцированных имен, обозначающих время *ӆыт* ‘вечер; вечерний; вечером’, *ӌук* ‘утро; утренний’, *уй* ‘ночь; ночной’ с послелогами *палась* ‘со стороны’, *палан* ‘около; близ; на’, *пала* ‘к; в сторону; на’, *ласянь* ‘в отношении; в направлении, от, со, с’, например: *уллапалась* ‘снизу, с нижней стороны’, *выллапалась* ‘сверху,

с верхней стороны', *берпалась* 'с задней стороны', *азьпалась* 'спереди; впереди', *кыкнапалась* 'с двух сторон', *кудпалась* 'с которой стороны', *нокудпалась* 'ни с какой стороны', *уллапалан* 'внизу, в нижней стороне', *берпалан* 'позади, на задней стороне', *азьпалан* 'впереди, на передней стороне', *кыкнапалан* 'в обеих (в двух) сторонах', *огпалан* 'в одной стороне, на одной стороне', *кудпалан* 'где, в какой стороне, в каком направлении', *нокудпалан* 'нигде, ни в какой стороне', *уллапала* 'книзу, вниз; в нижнюю сторону', *выллапала* 'на верхнюю сторону, наверх, кверху', *берпала* 'назад; на заднюю сторону', *сьќрлапала* 'назад; в сторону', *кыкнапала* 'в две (в обе) стороны', *ньыльнапала* 'на четыре стороны', *кудпала* 'в какую сторону', *кыкналасянь* 'с обеих сторон, с двух сторон', *улласянь* 'снизу, с нижней стороны', *азьпалласянь* 'спереди, с передней стороны', *кудласянь* 'с какой стороны', *нокудласянь* 'ни с какой стороны', *сьќласянь* 'сзади, с тыла; с тыльной стороны' и др.;

4) наречия, образованные от местоименных наречий *кытын* 'где', *кытчы* 'куда', *кытысь* 'откуда', *кызьы* 'как', *ку* 'когда' с частицей *ке*: *кытын ке* 'где-то', *кытчы ке* 'куда-то', *кытысь ке* 'откуда-то', *кызьы ке* 'как-то', *куке* 'когда-то'.

3. Наречные выражения.

В значении наречий иногда употребляются цельные сочетания слов, например: *нуналысь нуналэ* 'изо дня в день, ежедневно', *бќрсьысь бќрсьы* 'друг за другом, последовательно', *минутысь минутэ* 'ежеминутно' и др. Их называют наречными выражениями. Нами выделены следующие группы наречных выражений:

1) наречные выражения, возникшие из послеложных словосочетаний, например: *витьымтэ шорысь* 'неожиданно', *малпамтэ шорысь* 'неожиданно', *возьмамтэ шорысь* 'неожиданно', *шќдымтэ шорысь* 'неожиданно', *шќдтэк шорысь* 'неожиданно', *ӟытлы быдэ* 'ежевечерне, каждый вечер', *ӵукналы быдэ* 'каждое утро', *нуналлы быдэ* 'ежедневно, каждый день', *арлы быдэ* 'ежегодно, каждый год', *ӟытлы быдэ* 'ежевечерне, каждый вечер', *ӧуч сямен* 'по-русски', *удмурт сямен* 'по-удмуртски' и др.;

2) наречные выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного, например: *нуналысь нуналэ* 'изо дня в день', *бќрсьысь бќрсе* 'друг за другом', *минутысь минутэ* 'ежеминутно', *вылысьтыз вылаз* 'друг за другом', *дырыз дыръя* 'вовремя', *арысь аре* 'из года в год' и др.

Морфолого-синтаксический способ образования наречий.

1. Адвербиализация (от лат. *adverbium* – наречие) – переход в наречие словоформ, принадлежащих к другим частям речи. Сущность процесса адвербиализации состоит в том, что некоторые формы выпадают из системы словоизменения своей части речи, утрачивая ее грамматические признаки, и приобретают грамматическое значение наречия.

Обычно адвербиализации подвергаются формы местных падежей, а также некоторых объектных, например: **инструменталь** – *пыдын* ‘пешком’, *уйин* ‘ночью’; **датив** – *кемалы* ‘надолго’. Наиболее продуктивно в удмуртском языке адвербиализируются все без исключения внутри- и внешнеместные падежные формы, зачастую образуя своеобразные парадигмы наречий в форме всех местных падежей, например: **инессив** – *азьын* ‘впереди’, *пушкын* ‘внутри’; **элатив** – *улысь* ‘снизу’, *вылысь* ‘сверху’; **иллатив** – *вылэ* ‘наверх’, *улэ* ‘вниз’; **аппроксиматив** – *азьлань* ‘вперед’, *берлань* ‘назад’; **эгрессив** – *улысен* ‘снизу’, *вылысен* ‘сверху’; **пролатив** – *отћ* ‘там, по тому месту’, *вылэтћ* ‘поверху, высоко’; **терминатив** – *туннэозь* ‘до сегодняшнего дня’, *татчыозь* ‘до этого места’.

Наряду с адвербиализацией падежных форм, в класс наречий переходят и деепричастия. Являясь сложной грамматической категорией, деепричастия имеют наряду с глагольными признаками, отражающими коренные свойства деепричастий всех разрядов, и такие признаки, которые сближают их с наречиями. Деепричастия, как и наречия, могут выступать в качестве приглагольного определения. Обозначая действия, эти глагольные образования вместе с тем могут выражать, в зависимости от условий употребления, признаки других действий. Более того, они могут ослабляться в своем глагольном значении, т. е. в значении слова, выражающего действие, и, соответственно, усиливаться в наречном значении. Не случайно, в некоторых работах статус деепричастий отмечался как особый вид наречий. Например: ***Синмаськымон*** *ужало Галя Чулкова, Зоя Никитина, Петр Чураев но мукетъёсыз*. ‘**С усердием** работают Галя Чулкова, Зоя Никитина, Петр Чураев и другие’. Лексическое содержание слова определено значением, которое заключено в непереходном глаголе *синмаськыны* ‘увлечься’. Благодаря этому, обсуждаемое глагольное образование выступает не как полновесное деепричастие, сохраняющее в себе одно из основных свойств глагола – свойство управления винительным падежом имен, а как слово, близкое к

наречию. При этом в глагольном образовании отсутствуют зависимые слова, оно определено одиночно. Это обстоятельство тоже определяет его не как настоящее деепричастие, а как слово, находящееся на грани перехода в наречие.

2. Конверсия – способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи. Например, *шуныт* – имя существительное ‘тепло, теплота’ (*гурлэн шунытэз* ‘тепло печки’) – имя прилагательное ‘теплый’ (*шуныт сӟзьыл* ‘теплая осень’) – наречие ‘тепло’ (*шуныт пумитаз* ‘тепло встретил’); *шулдыр* – имя существительное ‘веселье, радость’ (*шулдырез ӄз вала* ‘веселья не понял’) – имя прилагательное ‘веселый, радостный’ (*шулдыр кырӈан* ‘веселая песня’) – наречие ‘весело, радостно’ (*шулдыр пумитазы* ‘весело встретили’) и др. Приведенные примеры являются категориально недифференцированными словами, так как это разные части речи с разными лексическими значениями, хотя вещественные значения корней у них совпадают.

В удмуртском языке категориальная недифференцированность наблюдается среди следующих частей речи (лишь с участием наречия):

1) между существительными, прилагательными и наречиями, например: *ымнырзэ* ***кезьыт*** *чепылля* ‘[его] лицо мороз щиплет’; ***кезьыт*** *тӄл* ‘холодный ветер’; ***кезьыт*** *учко* ‘холодно смотрят’;

2) между прилагательными и наречиями, например: ***умой*** *корка* ‘хороший дом’; ***умой*** *быгато* ‘хорошо смогу’;

3) между наречием, прилагательным и послелогом, например: ***азьвыл*** *ӈожтӈськылӈзы* ‘раньше они жаловались’; ***азьвыл*** *аръёсы* ‘в прежние времена’; *кык толэзь талэсь* ***азьвыл*** ‘два месяца тому назад’;

4) между наречием и послелогом, например: ***вылэ*** *учкыку* ‘глядя наверх’; *возь* ***вылэ*** ‘на поле’;

5) в роли подчинительных союзов могут выступать местоименные наречия, так называемые союзные слова. В их состав входят наречия *кызьы* (*кызьы ке*) ‘как’, *кытын* ‘где’, *кытӈ* ‘где’, *кытысь, кытысен* ‘откуда’, *кытчы* ‘куда’, *кытчыозь* ‘докуда’, *кудлань* ‘куда, в какую сторону’.

Класс наречий постепенно пополняется и за счет заимствований, например: *неважно* ‘неважно’, *важно* ‘важно’, *всё-таки* ‘все-таки’, *здорово* ‘здорово’, *семьяен-семьяен* ‘семьями’, *добровольно* ‘добровольно’, *обязательно* ‘обязательно’ и др. (русские); *али* ‘сейчас’, *каллен* ‘тихо, медленно’, *сак* ‘внимательно’, *копак* ‘полностью, совсем, все’, *ятыр* ‘много, излишне’, *шара* ‘вслух’ и др. (тюркские).

Неизменяемость является одним из основных морфологических признаков наречий. Принято считать, что слово становится наречием, когда оно выходит из системы словоизменения, теряет всякий вид словоизменительных форм. Но следует отметить, что этот критерий для ряда языков не всегда и не в одинаковой мере приемлем. В удмуртском языке некоторые наречия могут:

1) изменяться по лицам: *татчыяд* ‘сюда [тебе]’, *кытчыяд* ‘куда [тебе]’, *отӈяз* ‘потом [у него]’;

2) принимать формы входного падежа + выделительно-указательный суффикс: *ӟытазе-я-з* ‘вечером того же дня’, *ӵукна-я-з* ‘утром следующего же дня’, *ӵуказе-я-з* ‘на завтрашний же день’;

3) принимать суффикс винительного падежа (наречия меры и количества): *унозэ* ‘многое’, *троссэ* ‘многое’, *ӧжытсэ* ‘малость’.

Некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют **степени сравнения**. Степени сравнения образуют как первообразные, так и простые производные наречия, одиночнооформленные.

В настоящее время в современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения наречий: а) положительная, б) сравнительная и в) превосходная.

Положительная степень наречий – это базовая форма, которая чаще всего констатирует данное количество или качество: *ӟог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’ и др.

Сравнительная степень наречий обозначается посредством аффиксов *-гес, -гем*. В зависимости от семантики наречия, указанные суффиксы осознаются с общим значением «более» или «менее», т. е. наречия с данными суффиксами обозначают признак действия или качества в большей или меньшей мере, чем в наречиях несравнительной степени, например, *ӟог* ‘быстро’ – *ӟоггес* ‘побыстрее’, *мур* ‘глубоко’ – *мургес* ‘глубже’, *шер* ‘редко’ – *шергес* ‘реже’, *кыдёкын* ‘далеко’ – *кыдёкынгес* ‘дальше’, *али* ‘сейчас’ – *алигес* ‘недавно’, *палэнын* ‘в стороне’ – *палэнынгес* ‘дальше, подальше’ и др.

Как и в других финно-угорских языках, сравнительная степень в удмуртском языке может быть выражена и аналитическим способом,

т. е. без применения специального сравнительного суффикса, сочетанием наречия с именем существительным или местоимением в разделительном падеже, например: *солэсь азьвыл* ‘до этого’, *солэсь капчи* ‘легче этого’, *куараезлэсь берло* ‘после [своего] голоса’.

Русская аналитическая форма превосходной степени типа *самый широкий, самый красивый* и т. д. оказала большое влияние на зарождение аналитических конструкций превосходной степени ряда финно-угорских языков. Последними перенята не только модель русской конструкции, но и заимствована с разными фонетическими изменениями и частица *самый*.

Превосходная степень в удмуртском языке передается лишь аналитическим способом: *самой* + наречие в положительной форме, например: *самой азьпалан* ‘впереди всех’, *самой матын* ‘ближе всех’, *самой бер* ‘позже всех’ и др.

Наряду с грамматической категорией сравнения, в удмуртском языке параллельно существует категория степени качества.

Степень качества – это лексико-грамматическая категория, обозначающая субъективную оценку степени интенсивности проявления признака.

В удмуртском языке на данном этапе выделяется три степени качества наречий: а) позитивная, б) уменьшительная (модератив) и в) усилительная (интенсив).

Позитивная степень наречий, как и положительная степень сравнения наречий, выражается базовой формой: ***мур*** *малпаськыны* ‘**глубоко** думать’, ***шуак*** *кошкыны* ‘**неожиданно** уйти’, ***чебер*** *ӟутскыны* ‘**красиво** подняться’ и др.

Уменьшительная степень (модератив) – образуется посредством аффиксов *-алэс* (*-ялэс*), *-мыт*, *-пыр*(*ъем*): ***ӟожмыт*** *вазиз* ‘**с грустью** (*букв*. **грустновато**) сказал’; *буртчин дэремез* ***лызалэс*** *ворекъя* ‘ее шелковое платье переливается **голубоватым** цветом’; *ваньмыз соослы* ***лькӧлькпыр*** *адске* ‘им все видится в **розовом** цвете’ и др.

В модеративном значении может выступать и аффикс *-гес* (*-гем*), который при выполнении своей основной функции является показателем сравнительной степени прилагательного (наречия). Например: ***Кыдёкынгес*** *пужымо нюлэс*. ‘**Чуть подальше** сосновый бор’.

Усилительная степень (интенсив) наречий образуется двумя способами: 1) синтетически, посредством редупликации основы прилагательного, например: ***ӈеч-ӈеч*** *малпаны* ‘**хорошенько** подумать’, ***умой-умой*** *валаны* ‘**хорошо-хорошо** понять’, ***юг-юг***

гкр́тыны ‘покрыться **белым-белым** инеем’ и др. и 2) аналитически – сочетанием наречий *туж* ‘очень’, *укыр* ‘очень, слишком’, *ортчыт* ‘очень, слишком’, *юн* ‘очень’ с другими наречиями положительной степени, например: *льог* ‘быстро’ – *туж льог* ‘очень быстро’, *мур* ‘глубоко’ – *туж мур* ‘очень глубоко’, *шер* ‘редко’ – *туж шер* ‘очень редко’ и др.

В **третьей** главе освещаются синтаксические функции наречий. Основная синтаксическая особенность наречия – быть в предложении обстоятельством. Примыкая к глаголу, наречие выражает функцию различных обстоятельств: 1) **времени** – ***толон*** *кесяськылӟы* ‘**вчера** гудели’, **места** – ***татчы*** *ыстӟы* ‘они **сюда** отправили’, **цели** – ***юри*** *поттэ* ‘**нарочно** вытаскивает’, **образа или способа действия** – ***лушкемен*** *учкылӟ* ‘**тайком** смотрел’, **меры и степени** – ***сокем*** *кӟз дырты* ‘**так** не торопился’, меры и количества – ***тырмыт*** *репетировать карыны кӟз тупа* ‘**достаточно** репетировать не удалось’.

Наречия, как и другие части речи в удмуртском языке, подчиняются определенным синтаксическим законам, вступая в синтаксическую связь с другими словами, участвуют в образовании синтаксических сочетаний. В предложении наречие как знаменательная часть речи обязательно сочетается с другими словами. В отличие от других знаменательных частей речи морфологическая неизменяемость наречий создает особый характер синтаксической связи их с глаголами, а именно примыкание.

Посредством примыкания наречия могут сочетаться со всеми формами глагола. Спрягаемые и неспрягаемые формы глаголов могут вступать в сочетания с наречиями качества, количества, места, времени и цели: *лачмытэн валэктэ* ‘основательно объясняет’ (наречие качества), *трос уз сёты* ‘много не даст’ (наречие количества), *вуиз отысь* ‘оттуда прибыл’ (наречия места), *уйин кошкиз* ‘ночью ушел’ (наречия времени), *юромо уг вера* ‘нарочно не говорит’ (причинно-целевое наречие).

Не исключена возможность сочетания наречий с другими частями речи, такими как: **деепричастия** – *сэрытак* ***потыса*** ‘быстро **выйдя**’, **причастия** – *кецевыл* ***сынам*** ‘**зачесанным** наискосок’, **прилагательные** – *сокем* ***визьтэм*** ‘настолько **глупа**’, **наречия** – *бер* ***уйин*** ‘поздно **ночью**’.

В **заключении** излагаются основные положения и выводы исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Шибанов, А. А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке / А. А. Шибанов // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Серия: Филология. Искусствоведение. – Вып. 49. № 34 (215). – С. 133–137.

Публикации в других изданиях:

2. Шибанов, А. А. Структурные типы наречно-изобразительных и звукоподражательных слов / А. А. Шибанов // Вордскем кыл. – 2003. № 5–6. – С. 39–44.

3. Шибанов, А. А. О значении изобразительных слов в удмуртском языке / А. А. Шибанов // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2003. 1 (XXXIX). – С. 20–23.

4. Шибанов, А. А. Заимствованные наречия в удмуртском языке / А. А. Шибанов // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 221–224.

5. Шибанов, А. А. О функционировании некоторых наречно-изобразительных и звукоподражательных слов северного диалекта удмуртского языка / А. А. Шибанов // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного диалога: Материалы I Межрегиональной и VII Международной школы молодого фольклориста. (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.). – Ижевск, 2006. – С. 390–393.

6. Шибанов, А. А. Сложные наречия в удмуртском языке / А. А. Шибанов // Материалы докладов I Всероссийской молодежной научной конференции «Молодежь и наука на Севере» (в 3-х томах). Том II. (Сыктывкар, Республика Коми, 14–18 апреля 2008 г.). – Сыктывкар, 2008. – С. 97–99.

7. Шибанов, А. А. Морфологически недифференцированные слова в удмуртском языке / А. А. Шибанов // Материалы Международной

научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. (Ижевск, 20–22 мая 2008 г.). – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2008. – С. 938–942.

8. Шибанов, А. А. Функционирование звукоподражательных слов в стихах и поэмах К. Герда / А. А. Шибанов // Кузебай Герд и современность: Материалы Международной научно-практической конференции (31.03–02.04.2008, Ижевск). – Ижевск: ООО Информ.-изд. центр «Бон Анца», 2008. – С. 97–100.

9. Шибанов, А. А. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова в удмуртском и чувашском языках / А. А. Шибанов // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Международородной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященный 90-летию со дня рождения М. Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. – Ч. I. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 96–98.

10. Шибанов, А. А. Структурные типы удмуртских наречий / А. А. Шибанов // Третьи Флоровские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева. – Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2009. – С. 134–138.

11. Шибанов, А. А. Статус местоименных наречий в удмуртском и русском языках / А. А. Шибанов // Материалы Всероссийской научной конференции «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)» (15–16 декабря 2009 г., Ижевск). – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2009. – С. 738–744.

12. Шибанов, А. А. Об изученности изобразительных слов в северном наречии удмуртского языка / А. А. Шибанов // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск) / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2009. – С. 58–65.